

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 3, pp. 501–518, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 63(571.56) (091)

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-61-3-501-518

Рукопись И. П. Сойкконена в аспекте изучения зимней повседневности якутов первой трети XX в.

Лилия Иннокентьевна Винокурова¹

¹ Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
 (д. 1, ул. Петровского, 677027 Якутск, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-5779-6893. E-mail: lilivin@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Винокурова Л. И., 2022

Аннотация. Якутская комплексная экспедиция Академии наук СССР 1925–1930 гг. является одним из важных этапов интеллектуального освоения Российской Арктики и Севера. Результаты исследований природно-климатических характеристик и естественных ресурсов республики, анализ социально-экономического и демографического состояния, качества и уровня жизни населения не потеряли научной ценности до настоящего времени. Следует подчеркнуть гуманитарный фокус проведенных работ и богатство собранных данных по социально-экономической истории, по повседневной жизни населения Якутии тех лет. И. П. Сойкконен возглавлял в 1926–1927 гг. Якутский этнографический подотряд, работавший в центральной части республики. В ходе длительного стационарного наблюдения были собраны материалы по этнической культуре якутов, включающие подробные описания быта, хозяйственной деятельности и семейных отношений. Рукописи И. П. Сойкконена исключительно интересны «фотографическим» отражением локальных реалий сельской Якутии в первые десятилетия XX столетия. Целью статьи является ввод в научный оборот рукописи русского этнографа И. П. Сойкконена, подготовленной им на этнографических материалах Центральной Якутии во второй половине 1920-х гг. *Материалы.* Рукопись участника Якутской комплексной экспедиции Академии наук СССР 1925–1930 гг. И. П. Сойкконена «Зимний день якутской женщины» хранится вместе с другими его неопубликованными материалами по Якутии в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. *Результаты.* Хранящиеся в архивах неопубликованные материалы Якутской комплексной экспедиции Академии наук СССР 1925–1930 гг. не потеряли своей актуальности. Рукопись участника экспедиции И. П. Сойкконена «Зимний день якутской женщины» содержит интересные факты, проливающие свет на социальные отношения, уровень и качество сельской жизни, преломленные в зеркале повседневного гендера. Доминантой презентуемого документа выступает присутствие естественного зимнего холода — ограничивающего, лимитирующего и регулирующего жизнь якутской женщины в зим-

ней повседневности первых десятилетий XX в. Информационный потенциал рукописи представляется весьма высоким для современных междисциплинарных исследований, прежде всего по антропологии холода. Материалы И. П. Сойкконена позволяют рассматривать аспекты детерминированности хозяйственных занятий якутов природно-климатическими условиями края в период до советской модернизации. *Выводы.* Рукопись «Зимний день якутской женщины» ранее не публиковалась, отдельные небольшие фрагменты цитировались в качестве иллюстрации социального положения женщины-якутки в начале XX в. В данной статье материалы И. П. Сойкконена впервые предлагается интерпретировать с позиций антропологии холода. Комментарии и транскрипция якутских терминов в рукописи выполнены Л. И. Винокуровой.

Ключевые слова: Якутия, сельская повседневность, антропология холода, гендер, якутские женщины, И. П. Сойкконен

Благодарность. Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10088 «Антропология холода: естественные низкие температуры в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (традиционные практики, вызовы современности и стратегии адаптации)»). Автор выражает признательность А. А. Сулейманову за предоставление ксерокопии оригинала рукописи, С. И. Бояковой — за ксерокопию автобиографии И. П. Сойкконена и В. Ю. Голомарева — за техническую помощь в ходе подготовки рукописи к печати.

Для цитирования: Винокурова Л. И. Рукопись И. П. Сойкконена в аспекте изучения зимней повседневности якутов первой трети XX в. // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 3. С. 501–518. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-61-3-501-518

One Manuscript of Ivan P. Soikkonen: A Perspective from Research on Yakutia's Winter Everyday Life in the 1900s–1920s

*Liliia I. Vinokurova*¹

¹ Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS (1, Petrovsky St., 677027 Yakutsk, Russian Federation)

Cand. Sc (History), Leading Research Associate

 0000-0002-5779-6893. E-mail: lilivin@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Vinokurova L. I., 2022

Abstract. The Yakutia Comprehensive Research Expedition of 1925–1930 proved a most essential stage in the intellectual discovery of Russia's Arctic and North. Even nowadays the insights into climate and natural resources, socioeconomic and demographic analyses, living conditions assessments remain as topical. It is noteworthy that the efforts undertaken were largely humanitarian, thus making the collected data on socioeconomic history and everyday life rich enough. Ivan Soikkonen was heading the Yakut Ethnographic Subgroup in 1926–1927, the latter to have been working in the central part of the Republic. Long-term stationary observations resulted in materials covering ethnic culture of the Yakuts, including detailed descriptions of household life, economic activities, and family relations. Soikkonen's papers are distinguished by 'photographic' reflections of rural Yakutia's local realities typical for earliest decades of the 20th century. *Goals.* The article aims to introduce into scientific circulation one manuscript by the Russian ethnographer Ivan P. Soikkonen containing ethnographic materials from late 1920s Central Yakutia. *Materials.* The manuscript titled 'Winter Day of the Yakut Woman' is stored together with other unpublished Yakutia-related materials of Soikkonen at the Archive of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg Branch). *Results.* The expedition materials are invaluable sources for humanities research. The manuscript examined contains interesting facts that shed light on social relations, standards and qualities inherent to rural life refracted in the mirror of everyday gender. The phenomena dominating throughout the to be presented document is that of natural winter cold which limits, restrains, and regulates activities of a Yakut woman in winter everyday life in earliest decades of the past century. Soikkonen's notes make it possible to examine aspects

of the economic determinism among Yakuts to have arisen from natural and climatic conditions of the region in the period prior to the Soviet modernization in interdisciplinary perspectives. *Conclusions.* The paper is first to publish the manuscript, only some small fragments have been cited before. The article pioneers the interpretation of Soikkonen's materials from the standpoint of the anthropology of cold. The author comments and transcribes Yakut terms contained in the manuscript.

Keywords: Yakutia, rural everyday life, cryoanthropology, gender, Yakut women, I. P. Soikkonen

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 19-78-10088 'Cryoanthropology: Natural Low Temperatures in the Life Subsistence System of Yakutia's Rural Communities (Traditional Practices, Modern Challenges and Adaptation Strategies)'. The author extends gratitude to A. Suleymanov for providing a photocopy of the original manuscript, to S. Boyakova for the delivered photocopy of I. Soikkonen's autobiography, and V. Golomareva for pre-publication technical assistance.

For citation: Vinokurova L. I. One Manuscript of Ivan P. Soikkonen: A Perspective from Research on Yakutia's Winter Everyday Life in the 1900s–1920s. *Oriental Studies*. 2022; 15(3): 501–518. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-61-3-501-518

Введение

Предпринятая во второй половине 1920-х гг. Якутская экспедиция Академии наук СССР является одним из важных этапов интеллектуального освоения Российской Арктики и Севера. В условиях республики, только что пережившей длительное гражданское противостояние с ее социальными и экономическими последствиями, было осуществлено академическое исследование природных и производительных ресурсов Якутии. До наших дней непревзойденными остались как факт реализации такого проекта, так и масштабы замыслов и программного содержания, объемы и качество проделанной участниками работы. Данный пионерный опыт комплексного изучения одного из регионов страны — его населения, природы и резервов развития продолжает привлекать внимание исследователей.

Труды Якутской экспедиции были не полностью изданы, сразу же после экспедиции началась их подготовка к публикации. Но изменились времена, и работы репрессированных участников экспедиции оказались на долгие годы вне научного оборота, рукописи десятилетиями оставались невосстановленными.

В постсоветский период начался процесс «возвращения имен», произошел всплеск интереса к «замолчанному» прошлому, в том числе и к истории забытых академических изысканий. В научном сообществе стали чаще обращаться к наследию участников Якутской экспедиции 1920-х гг.

Для экспедиции был характерен гуманитарный фокус исследований: много внимания было уделено демографическим ресурсам населения, уровню и качеству жизни народов республики. Среди хранящихся в архивах материалов Якутской экспедиции отдельный интерес представляют рукописи, содержащие сведения по социальной истории, по повседневной жизни населения республики тех лет. Наблюдения этнографов и экономистов за трудовой и бытовой обыденностью жителей северных и центральных районов отличаются детализированной фиксацией, «фотографическим» отражением локальных реалий, богаты малоизвестными фактами. Будучи очень содержательными, данные документы могут сослужить пользу в самых разных, в том числе междисциплинарных, исследованиях.

В фокусе внимания в данной статье — рукопись участника Якутской комплексной экспедиции Академии наук СССР 1925–1930 гг. И. П. Сойкконена «Зимний день якутской женщины», которая содержит широкий круг наблюдений. В ней затронуты вопросы социальных отношений, уровня и качества сельской жизни, преломленные в зеркале повседневного гендера. С учетом присутствующих природно-климатических условий Якутии информационный потенциал рукописи представляется весьма актуальным на фоне растущего научного интереса к мировым территориям с естественными низкими температурами. Антропология холода в последнее время становится одним из актуальных направлений в гуманитарной

науке, формируются новые контексты осмысления роли холода в человеческой жизнедеятельности [Мельников, Федоров 2018; Федоров 2018; Fedorov 2019; Сулейманов 2018а; Сулейманов 2018б; Сулейманов 2018в; Сулейманов 2019; Сулейманов 2020; Сулейманов 2021; Романова, Добжанская 2019; Теребихин, Мелютина 2021; и др.].

Методы и источники

В ходе работы по проекту Российского научного фонда № 19-78-10088 «Антропология холода: естественные низкие температуры в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (традиционные практики, вызовы современности и стратегии адаптации)» в российских архивах выявлялись материалы, проливающие свет на воздействие фактора холода на жизнедеятельность сельского населения Якутии. В корпусе обнаруженных А. А. Сулеймановым архивных документов по антропологии холода отдельный интерес вызвали материалы российского этнографа И. П. Сойкконена, хранящиеся в Петербургском филиале Архива Российской академии наук. Они представляются ценным источником по истории и культуре народов Якутии первых десятилетий XX в. Рукопись «Зимний день якутской женщины» хранится вместе с другими неопубликованными «якутскими» материалами И. П. Сойкконена в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (далее — СПбФ АРАН). В данной статье текст рукописи исследован с применением историко-генетического и историко-сравнительного методов, востребованы также методы историографического и источниковедческого анализа.

Иван Сойкконен: опыт погружения в зимние будни сельской Якутии

Российский этнограф, будущий участник Якутской комплексной экспедиции АН СССР Иван Петрович Сойкконен родился в 1895 г. в Коноховицах бывшего Ямбургского уезда Санкт-Петербургской губернии в семье финских крестьян. Как он сам писал в автобиографии, до 20 лет жил с родителями и занимался крестьянским трудом. В 1916 г. закончил Учительскую семинарию Петроградской губернии, преподавал, был отправлен на фронт Первой мировой войны. С 1919 г. состоял в Красной армии, в 1922 г. поступил на географический факультет Ле-

нинградского университета. По его признанию, после ухода родителей на последних курсах учился без всякой финансовой поддержки, подрабатывал при любой возможности [СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 15. Д. 97. Л. 279].

Учиться без стипендий и всякой поддержки приходилось многим. Патриарх российской этнографии Л. Н. Потапов, который учился в это время в Ленинградском университете, вспоминал о своей студенческой молодости так: «В 1924 г. я познакомился со Штернбергом и Богоразом, последний мной заинтересовался, и я стал ежедневно ходить к нему в МАЭ¹. В музее я проводил все свое свободное время и наконец даже получил работу. Это было для меня особенно важно, так как первое время у меня не было стипендии. Какая же была эта работа? Я переносил книги в новое помещение библиотеки (там, где она и сейчас находится), то есть из одного конца здания в другой. Работали мы вдвоем, я и студент Сойкконен². Носили книги в белье в корзине и получали за это два рубля в день...» [Тишков 2008: 12].

Несмотря на материальные трудности, в университете Иван Сойкконен получил не только фундаментальные знания от корифеев отечественной этнографии и антропологии, но и успешно практиковался на полевых работах. Все навыки и знания он применил во время своей работы в Якутской экспедиции в 1926–1927 гг., о которой в автобиографии скромно указал: «участвовал в Якутской экспедиции АН в качестве научно-технического сотрудника этнографического подотряда» [СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 15. Д. 97. Л. 279].

Профессиональная подготовка молодого выпускника этнографического отделения географического факультета позволила ему возглавить и реализовать программу этнографического подотряда. Академик П. В. Виттенбург именно его попросил методологически проконсультировать местного краеведа П. В. Слепцова, назначенного начальником Хатанго-Анабарского этнографического подотряда в 1927 г. [Дьяченко 2014: 53].

О деятельности самостоятельных этно-

¹ Речь идет о Музее антропологии и этнографии.

² Так в тексте В. А. Тишкова.

графических подотрядов подробно писала специалист по истории Якутской экспедиции Ю. Н. Ермолаева [Ермолаева 2001]. Она указывает, что в качестве руководителя Якутского этнографического подотряда И. П. Сойкконен изучал домашний и семейный быт якутов Якутского округа на территории Батурусского, Таттинского, Баягантайского и Амгинского улусов Якутского округа, где им были собраны данные о религиозных верованиях, повседневном этикете, семейно-брачных отношениях якутов. Уникальны его наблюдения в области этнографии детства, где одних только детских рисунков было собрано 200 экземпляров [Ермолаева 2009].

Рукописи И. П. Сойкконена свидетельствуют о добросовестности молодого исследователя, тщательно записавшего терминологию родства, способы счета времени и определения расстояний, характеристики скотоводства и земледелия у якутов. Представляет особый интерес зафиксированное этнографом распределение труда между мужчинами и женщинами, повседневный распорядок дня зимой и летом. Следует подчеркнуть, что нормирующее гендерное разделение труда воздействие естественного зимнего холода в Якутии только недавно стало предметом научного внимания [Винокурова 2020; Винокурова 2021a].

Научный потенциал рукописей И. П. Сойкконена

«Якутский портфель» И. П. Сойкконена, хранящийся в СПбФ АРАН, привлекателен разнообразием собранного материала: им были записаны истории жизни якутских и русских крестьян, образцы фольклора и игр. В 1928 г. в Ленинградское отделение института этнографии и антропологии поступила коллекция И. П. Сойкконена из предметов культа, быта и игрушек. Существенный вклад молодого выпускника университета соответствует уровню научного подвижничества его старших коллег — участников Якутской комплексной экспедиции 1925–1930 гг., многие научные результаты которой увидели свет сразу по завершению работ в Якутии.

«Во время проведения экспедиции и по ее окончании в научный оборот вошли более 80 крупных исследований, среди которых значились 39 выпусков «Материалов

Комиссии» и 47 названий «Трудов Комиссии», в том числе работы по истории и этнографии народов Якутии. Музеи Ленинграда и Якутска пополнились ценными коллекциями по этнографии коренных народов региона. Ленинград в то время располагал основным потенциалом научно-исследовательских учреждений в стране (в том числе и этнографического профиля), сотрудники которых могли с успехом решать поставленные перед ними научные задачи. Все полевые материалы, полученные в результате проведения стационарных работ, обрабатывались и затем публиковались именно в этом городе», — пишет В. И. Дьяченко [Дьяченко 2014: 45].

Рукопись «Зимний день якутской женщины»

Неопубликованными остались рукопись «Зимний день якутской женщины» и материалы по терминологии родства и семейному быту якутов. Данная рукопись хранится в петербургском архиве почти век [СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 156]. Внимание исследователей она вызывала еще в советское время. В частности, к ней обращалась Л. Т. Иванова. В своей монографии она использовала фрагменты работы И. П. Сойкконена как иллюстрацию социальной униженности женщины в феодальном обществе Якутии [Иванова 1974]; позднее рукопись была использована как свидетельство по досоветской истории повседневности [Иванова 2015].

Рукопись «Зимний день якутской женщины» ранее не была опубликована, за исключением небольших фрагментарных цитирований. При подготовке к публикации документ из архива подвергнут тщательной вычитке, а также сравнительному анализу с другими работами И. П. Сойкконена, выполненными в той же местности в то же время, для заполнения встречающихся пустот, оставленных при машинописном наборе рукописи. Пустоты были представлены словами на якутском языке, обозначающими тот или иной предмет, или определение. Такая корректировка удалась благодаря наличию других материалов, где И. П. Сойкконен продублировал свои наблюдения над хозяйственными занятиями и календарем якутов.

Для будущих исследователей наследия И. П. Сойкконена в публикации сохране-

ны пометки и цифровые обозначения, отсылающие, по всей видимости, на рукописи автора. Учитывая, что автор не владел якутским языком, проведена проверка и приведение в языковую норму ряда слов в соответствии с последним изданием «Большого толкового словаря якутского языка» (они указаны в скобках), также на данный словарь опираются терминологические комментарии. В документе по возможности сохранены стиль и орфография И. П. Сойконена, включая подстрочные примечания. Упоминаемые им рисунки и фото пока не обнаружены.

Зимний день якутской женщины¹

Распорядок дня и характер работы зависит целиком от времени года и скотоводческого хозяйства якута². Изменяется продолжительность дня, изменяются работы, изменяется образ жизни. Даже счет суточного времени изменяется в зависимости от новых условий. Якуты не знают часов. Ни в одной юрте я еще не встречал стальных или карманных часов. Тем не менее они очень верно определяют время «по-своему», по наблюдениям над состоянием неба, движению солнца и звезд, по поведению коров и др. признакам. Привожу общеупотребительные термины счета времени по этим признакам: «тын хаты’та»³ (*тын хатыыта*. — Л. В.)⁴ — этими двумя непереводаемыми словами определяется то время суток, когда к утру все небо еще темное, а на востоке уже появилась узенькая светлая полоска; появились первые проблески утренней зари.

«Халлаан сырдыта» (*халлаан сырдыыта*. — Л. В.) — «небо к свету», небо светает, начинает светать⁵.

¹ а) Имеется в виду обычный рабочий день, когда никакие из ряда вон выходящие события не нарушают обычного распорядка зимнего дня. б) Описание зимнего дня якутской женщины составлено по своим наблюдениям и по сообщениям местного населения Таттинского и Баягантайского улусов.

² Население Таттинского и Баягантайского улусов средства к существованию получает от крупного рогатого скота и лошадей больше, чем на $\frac{3}{4}$.

³ В рукописи после буквы «ы» значок, обозначающий долготу звука. — Л. В.

⁴ Здесь и далее в скобках представлены вставки на якутском языке по правилам якутской грамматики. — Л. В.

⁵ Иногда вместо слова «халлаан» употребля-

«Халлаан сырдаата» — «небо стало светлым», посветлело.

«Кун⁶ тахсыыта» или «кун таххыта» — «солнце к выходу», солнце к восходу, скоро взойдет солнце.

«Кун тагыста» (*кун табыста*. — Л. В.) — «солнце вышло»; солнце взошло. Часть солнца показалась или оно поднялось над линией горизонта.

«Кун оідо» (*кун ойдо*. — Л. В.) — «солнце прыгнуло»; солнце поднялось над горизонтом.

«Кун тіт басыгар тахсыбыт» (*кун тиит баһыгар тахсыбыт*. — Л. В.) — «солнце на голову дерева поднялось», солнце поднялось над лесом, — говорят якуты.

«Кун ортото буолан арар» (*кун ортото буолан эрэр*. — Л. В.) — «солнце к середине обновится» или солнце приближается к полудню.

«Кун орто» или «кун ортото», «кун чагіан орто» (*кун чаһыйан орто*. — Л. В.), «кун анара» (*кун анаара*. — Л. В.) — цветущего дня середина; полдень;

«Кун ортото ааста» — «миновал середину солнца»; спустя полдень, после полудня.

«Кун кіаса буолла» или ... (*кун киэһэ буолла*. — Л. В.) — «солнце (день) к вечеру стало» или «день к вечеру»; наступает вечер, вечереет.

«Кун кіара буолла» или заход солнца наступил; скоро заход солнца. «Кун тіт басыгар тусан арар» (*кун тиит баһыгар түһэн эрэр*. — Л. В.) — «солнце на голову дерева падает»; солнце над лесом.

Кун кірда» (*кун киирдэ*. — Л. В.) — «солнце вошло»; солнце зашло.

«Імнах» (*имнээх*. — Л. В.) — «с зарею»; на небе вечерняя заря.

«Ім сутта» (*им сүттэ*. — Л. В.) — «заря потерялась»; заря потухла.

«Кіаса уот буолла» (*киэһэ уот буолла*. — Л. В.) — «вечерний огонь есть, наступил».

Это приходится на то время суток, когда в юрте ложатся спать и в камелек на ночь накладывают больше дров, чтобы было теплее. Сильное пламя в камине — «Кіаса уот» — приходится зимою на 7–8 час. вечера, редко позже. Это время зимою определяется и по поведению коров — «ынах кіаса уот сагына іктір» (*ынах киэһэ уот саҕана ииктиир*. — Л. В.) — «во время вечернего огня коровы мочатся» (может быть на самом деле сходявшие на водопой 3–4 часа тому назад (с закатом солнца) коровы предпочитают слово «танара» (*танара*. — Л. В.), — *танара сырдаата* ‘бог стал светлым’ (‘Тангра/Тенгри светлеет’. — Л. В.)

⁶ «Кун» (*кун*. — Л. В.) употребляется и в значении «солнце», и в значении «день».

шественно мочатся теперь, во время «вечернего огня», но, может быть, на это не обращают внимания раньше из-за шума в юрте, позже же все засыпают; во время же «вечернего огня» все улеглись, в юрте тихо, но никто еще не спит).

«Тун уоса буолуох буолла» (*түүн үөһэ буолуох буолла*. — Л. В.) — «к полночи наступает»; время к полуночи.

«Туун уоса» (*түүн үөһэ*. — Л. В.) — полночь. «Туун уосун сагына ынах иктир» (*Түүн үөһүн сагына ынах ииктиир*. — Л. В.) — «в полночь коровы мочатся» — определяют якуты. Но, может быть, опять они замечают про коров потому, что у многих якутов есть привычка выходить около полуночи оправляться и заодно подкладывать дров в камин.

«Туун уоса» — «середина ночи», полночь определяется по положению звезд; когда «ургал» (*үргэл*. — Л. В.) (якутское название плеяды из 7 звезд) достигает своего наивысшего положения над линией горизонта, — якуты говорят: наступила ночь.

«Тун уоса аста» (*түүн үөһэ ааста*. — Л. В.) — «спустя, миновав середину ночи»; после полуночи.

«Халлан сырдыа буолла» — скоро будет утро; скоро займется утренняя заря. Это время называется по положению плеяды на небе: говорят «ургал ыраппыт» (*үргэл ыраппыт*. — Л. В.) — плеяда удалась, далеко ушла, и по поведению коров: говорят «сассырта халлан сырдыта ынах иктир» (*сарсырта халлаан сырдыта ынах ииктиир*. — Л. В.) — «утром к свету неба корова мочится». В это время в юрте все еще спят, но хозяйка еще может проснуться. Встают в это время лишь в том случае, если кому-нибудь из семьи предстоит далекая дорога.

Этими моментами или периодами времени определяется различное время суток. Моментами их назвать нельзя, это будет не совсем правильно; они скорее соответствуют периодам времени различной продолжительности. Даже «Кун орто» (*кун орто*. — Л. В.) и «тун уоса» (*түүн үөһэ*. — Л. В.) — полдень и полночь в представлении якута не являются мгновением, а некоторым периодом времени, хотя и более коротким, чем, например, «имнах» (*имнээх*. — Л. В.) «с зарей» — вечерняя заря. Нельзя также эти способы определения времени сравнивать с часами, так как в различное время года они приходятся на различное время суток. Постоянными остаются только «Кун орто» и «тун уоса». Если зимою «кун оído» и «кун орто буолан эрэр» (солнце над горизонтом и солнце приближается к полудню) следует друг за другом, то летом между ними вырастает большой промежуток

времени, который имеет свои названия в зависимости от работ, выполняемых в это время:

«Кунуску ынах»¹ — «дневная корова», дневной удой коров, называют якуты время около 8–9 часов утра, когда женщины во второй раз доят коров.

«Кунуску ынах ааста» — «дневная корова миновала», дневной удой прошел — это время от дневного удоя до «кун орто буолан эрэр», до того времени, когда солнце, начнет приближаться к полудню.

Далее летом следуют те же термины, что и зимою²; но вот после «кун орто ааста» зимою наступает «кун кіаса буолла», летом же «кун кіаса буолла» наступает значительно позже. Новый промежуток времени между ними имеет свои названия: «Туортур ынах» (*түөртүүр ынах*. — Л. В.) или «Туортур ынах буолла» (*түөртүүр ынах буолла*. — Л. В.) говорят: «четвертая корова» или «четвертая корова наступила», четвертый удой коров наступил. «Так называется время летом около 3 час. дня, когда женщины третий раз доят коров; «Туортур ынах», «четвертая корова», четвертый удой коров, говорят якуты, но самом деле коров доят только третий раз», — говорят в старину доили коров очень часто, даже ночью доили, и вот четвертый удой приходился летом на это время, «Туортур ынах ааста» (*түөртүүр ынах ааста*. — Л. В.) — «миновав, спустя четвертую корову», после четвертого удоя коров. Этот период времени от «Туортур ынах» до «Кун кіаса буолла». Осенью и в начале зимы, когда давно уже нет дневных удоёв коров, время около с 8–9 ч. утра и 3 ч. дня продолжают называть «Кунуску ынах» (*кунуску ынах*. — Л. В.) и «Туортур ынах» (дневной удой и четвертый удой).

С дальнейшим укорачиванием дня необходимость в них пропадает, они больше не произносятся, в середине зимы различное время суток определяется теми названиями, которые приведены на 1–3 стр.³

Еще необходимо упомянуть о «единицах времени», имеющих широкое распространение в обыденной жизни: «Куос быстына» (*куос быстына*. — Л. В.) — время, необходимое для того, чтобы в поставленном к огню горшке сварилось мясо (*куос / күөс* 'горшок'. — Л. В.).

¹ Здесь и далее подчеркивание сделано И. П. Сойкконеном. — Л. В.

² Но летом, когда «заря с зарей сходятся», отсутствует «имнээх» («с зарей»), отсутствуют наблюдения над коровами, так как летом скот помещается отдельно от жилья человека.

³ Речь идет о страницах рукописи. — Л. В.

«Куос быстына» считают равным 1 часу¹.

«Солурчах быстына» (*солурчах быстына*. — Л. В.) — время, необходимое для сварки пищи в поставленном к огню котелке.

«Солурчах быстына» принимаю за пол часа.

«Сыа саллыта» (*сыа саллыта*. — Л. В.) — время, необходимое для того, чтобы зажарить на огне кусочек жира, воткнутый на деревянную палочку (Для зажаривания на огне таким образом употребляется обычно «чогочу» — жир, покрывающий тонким слоем органы в полости живота). «Сыа саллыта» является самой маленькой единицей времени и некоторые считают его равным приблизительно одной минуте. Но нужно заметить, что только знакомые с часами приравнивают «куос быстына» часу, «солурчах быстына» 1/2 часу, а «сыа саллыта» (*сыа саллыта*. — Л. В.) — одной минуте, обычно же их употребляют без всякого сравнения с часами и минутами.

Так ведется счет времени якутами. Они хорошо известны якутской женщине; по ним она выполняет бесконечные работы по хозяйству в течение дня. В юрте раньше всех встает и позже всех ложится женщина. Для нее нет свободных дней или дней отдыха. Перехожу к непосредственному рассмотрению зимнего дня якутской женщины.

Первой в юрте всегда встает женщина. Задолго до рассвета она затапливает камин, ставит самовар, возится с хозяйством. Значительно позже встает муж и остальная семья. 5–6 ч. утра, на улице совершенно темно, вся семья еще спит, а в холодной, сильно остывшей за ночь юрте бродит женская фигура, нагибается над камином, ищет тлеющие угли, раздувает угли (экономят спички, их очень мало и иногда не бывает совсем). Первая забота женщины, осветить и согреть юрту².

Часто это она делает раньше, чем одеться. Якуты спят голыми (и мужчины, и женщины), и если в юрте нет посторонних, нет джукаков³ и взрослых сыновей, то раньше, чем одеться, еще голая, накинув шубу, она затапливает камин. С едва тлеющих угольков трудно раздуть огонь, дрова не горят, приходится долго возиться в

темноте и холоде; женщина выходит из терпения, не обходится без ругани: «Туох сытыбыт масаи» (*туох сытыйбыт маһай*. — Л. В.) («что за гнилое дерево», что за гнилые дрова), «Туох аат масаи» (*туох аат маһай*. — Л. В.) («что за адское дерево»), «Туох сатанатай» («что за сатана»), — досадует она на дрова, но никогда не выразит своего недовольства на огонь. Дух огня «Уот иччита» (*уот иччитэ*. — Л. В.) оскорбить нельзя, не будет его покровительства, не будет благополучия в семье и хозяйстве. К огню относятся с большим вниманием и уважением: «Самай ытык тојон» (*самай ытык тойон*. — Л. В.) «самый уважаемый господин»; «Саха тордо» (*саха төрдө*. — Л. В.) — «начало якутов», говорят якуты. Духа огня угощают, первую голову и лучшим куском (саламатан, жиром, водкой и т. д.). Затопив камин, и если она еще не одета, то тут же перед огнем одевается. Иногда белье бывает вынесено на ночь на улицу, чтобы заморозить насекомых (вшей, блох), тогда женщина накидывает шубу, наскоро что-нибудь обувает и приносит белье. Муж никогда не идет за бельем, хотя бы только за своим, это обязанность женщины. Женский костюм очень несложен. Обычно в помещении носят «ырбахы» (*ырбаахы*. — Л. В.) (от русского рубаха), — платье, одеваемое на голое тело. У старух «ырбахы» иногда бывает немногим длиннее мужской рубахи, тогда шаровары видны значительно выше колена (см. фотография № 1), где старуха сидит на левом краю, с крестом на груди). Молодые женщины носят обычное платье, но называют его тоже «ырбахы» или реже «былааччыйа» (платье).

«Баккы» (от русского портки) — женские шаровары. Это такой же длины, как и мужские; шьются из различной материи, преимущественно темного цвета. «Баккы» носят все женщины летом и зимою.

На голове и в помещении носят платок⁴. Углы платка завязаны на шее под подбородком «__» (авторский термин в рукописи отсутствует. — Л. В.) — «глухо», — говорят якуты) или на затылке (*бобуонньуктуу*, авторский термин в рукописи отсутствует. — Л. В.) — называется такой способ ношения платка). Вот в сущности весь женский костюм в обычное время. Зимой иногда одевают⁵ сверх платья особый меховой жилет или короткую верхнюю одежду, но их не всякая женщина имеет, да для работы около камелька в них и нет особой надобности. Когда же женщина выходит в «хотон» или на улицу, то обыкновенно она тоже ничего не одевает, ка-

¹ Мясо варят очень быстро, обычно не доваривают; едят в «просырь», как говорят местные русские.

² Обычно это выполняет хозяйка дома, но если в семье есть сколько-нибудь трудоспособные старик и старуха, то эта неприятная обязанность возлагается на них.

³ Джукак (дьукаах) — совместное зимнее проживание двух или более семей, не связанных родством; часто для экономии топлива. — Л. В.

⁴ Платок носят только замужние женщины и вдовушки.

⁵ Так в рукописи. — Л. В.

кой бы сильный мороз ни был (на улицу ненадолго, обыкновенно за дровами, в амбар или за «көбүрэттэ» — оправляться).

Обуваются всегда у камелька. Здесь теплее, здесь на «ардыаах мас»¹ кладут на ночь сушиться обувь. Ежедневная обувь якутской женщины сшита из коровьей некрашенной кожи и называется «коровья обувь» (*ынах этэрбэс*, авторский термин в рукописи отсутствует. — Л. В.), обувь из коровьей кожи. Кожа обыкновенно расслаивается на два слоя, на верхний, более прочный и нижний, очень рыхлый. Делается это для того, чтобы обувь была мягче, легче, удобнее. «Ынах этэрбэс» шьют из верхнего и редко из нижнего слоя, но из верхнего выходит более прочная обувь. Реже женщина в помещении носит «саары»² и еще реже «түнэ»³. Обувь в помещении обыкновенно носят с чулками, сшитыми из телячьей шкуры; иногда вместо них носят портянки (*ут-мас*. — Л. В.), выкроенные из изложенного белья или одежды, иногда чулки, сшитые из толстого сукна (*кээнчэ*. — Л. В.). Редко бывает отдельная обувь для выхода в «хотон»; обыкновенно не переобуваются, направляясь к коровам.

В хотоне постоянно сыро, навоз. Старая непрочная обувь пропускает воду; ноги якутской женщины постоянно мокрые, так как ежедневно часть времени проводит в хотон^е, и всегда очень грязные, так как она никогда их не моет.

Камелек топится, женщина обула, одета, надо умываться и приступать к утренним работам. Не все женщины умываются в это время, многие умываются значительно позже, выполнив утренние работы с очень грязными руками. Но возьмем опрятную женщину «чабар джатар» (*чэбэр дыахтар*; в тексте также встречается написание *Чабар Уатар*. — Л. В.), как говорят якуты. Вот она зачерпнула ковшом⁴ сырой воды из ушата, который стоит в углу на земле,

¹ «Сардан'а» или «ардыаах мас». Термин «сардана» означает перекладки под потолком около камина для высушивания обуви, одежды, зерен и т. д. В рукописях И. П. Сойкконена термин отсутствует, восстановлен из: [Алексеев 2007: 79]. — Л. В.

² «Саары» — обувь из коровьей кожи или конской кожи всегда выкрашен (Термин же «саары» означает ровдугу, замшу из оленьей шкуры. — Л. В.).

³ «Түнэ» — ровдужная обувь, обыкновенно праздничная и дорожная.

⁴ Обычно воду берут маленьким железным ковшом («хомуос»), распространённый по всей Лене, но кой-где еще сохранились «хамыях» (деревянный ковш) и др. посуда, которыми пользуются для зачерпывания воды.

набирает эту воду в рот и поливает свои руки из рта; немного помоев руки, так что грязь начинает отставать, затем моет лицо. Умывается здесь же на земляном полу, около камина. Старается умываться не на одном месте, чтобы не образовались лужи.

Воды расходуется 1–2 стакана (воду набирают в рот 2–3 раза). Вода только сырая, речная или озерная, в лучшем случае ледяная (растаянный речной или озерный лед). В конце зимы, к весне, а также летом вода бывает очень плохого качества. Если воды не хватило, она берется вторично, погружая при этом вместе с посудой и свою грязную руку в общий ушат. Если она мыла и лицо, то вода с лица капает обратно в ушат, а глаза у очень многих женщин больны трахомой или конъюнктивитом.

Очень немногие умываются с мылом. В довоенное время здесь было распространено «янтарное мыло». Якуты называли его «харах мылата» (*харах мылата*. — Л. В.) («глазное мыло») и пользовались им для лечения глаз. После мытья лица пеной этого мыла натирали глаза и так натирали, чтобы мыло попало на слизистую оболочку век и жгло; «харахпытын сырдатар» (*харах мылата*. — Л. В.) («наши глаза освещает») — говорили якуты. Теперь «янтарного мыла» нет, и больные глазами с этой же целью стараются приобрести кусок обыкновенного туалетного мыла («сыттах мыла» (*сыттаах мыла*. — Л. В.) — «душистое мыло»). Самодельного мыла якуты никогда не делают, несмотря на наличие достаточного количества жира почти в каждом хозяйстве.

Для утирания служит «соттор» («утиральник») — кусочек материи, всегда очень грязный, всегда общий для всех, сколько бы ни было в семье больных глазами. Обычно «соттор» висит на деревянном гвозде, вбитом в столб юрты; иногда его закидывают на «—» (*долбуур*, авторский термин в рукописи отсутствует. — Л. В.), но очень часто он валяется на ороне или на земляном полу, куда его затаскивают дети.

За неимением платка девочкам иногда повязывают на голову соттор, в котором они и выходят к соседям. Но не во всех семьях имеется соттор. Иногда его нет, и тогда утираются кто во что попало (в подол своего платья, в платок и т. д.), а некоторые просто руками: проводят по лицу ладонями, вытряхивают с них воду на землю, просушивают кисти рук у камина и снова вытирают, пока все лицо не обсохнет. Волосы она не причесывает, а только поглаживает ладонями, чтобы аккуратно лежали, и завязывает на голову платок, углами на затылок. Хозяйка торопится поставить самовар и выполнить необхо-

димые утренние работы: «үүт астыр» — «стряпает молоко» — выносит молоко из подпола, снимает сливки, из которых тут же может приготовить к чаю (вспененные, взбитые сливки); приготавливает к чаю лепешку; моет чайную посуду, если она вечером не была вымыта и т. д.

Но нужно заметить, что так поступает опрятная женщина «Чабар Үатар», неопрятная же женщина («Чанчарык дьахтар») умывается только перед самым чаем, после выполнения неотложных утренних работ. Разминая тесто для приготовления лепешки, она в значительной степени очищает свои руки, грязь от которых переходит на лепешку. Волосы ее до сих пор не приглажены и не завязаны платком.

Самовар давно поставлен. Он стоит на полу около камина, без трубы. До сих пор я еще не встречал самовар с трубой. Всегда обходятся без трубы, да и некуда было бы его направить. В самовар подкладывают раскаленные угли, которые тут же берутся из камелька. Запасов угля не бывает, да и нет надобности, — камин топится весь день, не переставая.

Начинают вставать остальные члены семьи. Первым после хозяйки встает муж, глава семьи. Позже дети — чем они меньше, тем дольше спят. Все они также умываются из рта на полу; все утираются в один и тот же грязный утиральник.

После умывания, но до чаепития у многих сохранилась привычка молиться, в особенности у старых людей. Встают перед иконами (иконы имеются в каждой юрте), крестятся и шепчут знакомые слова молитвы, обращаясь к богу или святителю Николаю (здесь очень многие «Николау батюшку» ставят выше Христа). Если в юрте есть «кочевщики» незнакомые, то избегают молиться: «суусугар суруллубатах» (*сүүһүгэр суруллубатах*. — Л. В.) — «на лбу не написано», говорят они. Старые люди с этим меньше считаются.

Все встали; самовар на столе; чай заварен¹. Семья усаживается за стол, начинают пить. Перед тем, как выпить первый глоток чая или съесть первый кусок лепешки, пожилые люди обыкновенно крестятся. Сахар бывает очень редко, только в большие праздники; пьют без сахара, но обязательно с молоком. Молока наливают очень немного, только чтобы окрасить крепкий черный чай в коричневый цвет. Всем наливает хозяйка. Она сидит около самовара, принимает

молча протягиваемые ей пустые чашки, молча наливает и молча возвращает по принадлежности. Чашка наливается в уровень с краями; если немного перельется через края, это к изобилию, к богатству. Чай пьют очень горячий. Самовар продолжает кипеть на столе. Получивший налитую хозяйкой чашку на половину сливает в блюдечко и сразу начинает пить. Если чай немного остынет, он считается невкусным: «кисі ајагын сават чаі» (*киһи айабын сизэбэт чэй*. — Л. В.) — «чай не жжёт рта человека», — говорят якуты про такой час. Угостить гостя хотя бы немного остывшим чаем — это значит оскорбить его. Самовар должен быть снова поставлен, хотя бы он был очень горячий и кипятку было бы достаточно (правда, здесь еще нужно принять во внимание, что гостя нужно угощать полным самоваром, а не остатками, хотя бы в самоваре и было достаточно кипятку).

Пьют очень много. Женщина в пристрастии к чаю не уступает мужчинам. В среднем здесь пьют по одним сведениям 5–6 чашек, по другим — 7–10, но часто бывает, что одним взрослым человеком выпивается по 20 чашек и даже больше. Рассказывают, про бедного старика Хаяхсытского наслег «Тоітуна» а» (*Тойтуун*. — Л. В.) (прозвище), который за один присест один выпивал целый большой самовар (на 40 чашек). Утром за чаем едят лепешку. Масло не всегда бывает, поэтому сухую лепешку запивают чаем. Лепешка только что испечена, еще теплая; очень тяжелая, из плохо просеянной муки, она скорее напоминает кусок тонкого известняка, чем хлеб. Едят много, чтобы дотерпеть до вечера, так как днем пьют голый чай².

Утренний чай — «сарсыардааны чаі» — в зимнее время приходится на 6–7 ч. утра или раньше, если предстоит дорога или едут за сеном, за дровами.

Если хозяйка никуда не торопится, то она сразу же убирает стол и споласкивает чашки теплой водой из самовара. Чашки моет очень плохо, на них всегда остается коричневый налет и даже заметный слой грязи. Посуду ничем не вытирают, а так она опрокинутой стоит на столе и затем кладут на полку или в чайный ящик. При посторонних могут вытереть утиральником для лица («соттор»). Остальную посуду, употребляемую во время еды, совсем не моют, а ловко очищают двумя пальцами, которые тут же вылижут; бывает, и посуду вылижут.

¹ Заваривают очень много, до 1/16 части кирпича за один раз. Чаю, после заварки, дают прокипятить на углях. Получается не только крепкий, а густой чай, который в стакане совершенно не просвечивается на свет.

² Иногда днем чай не пьют, а едят «бутугас» (жидкая каша, скорее напоминающая похлебку) (*Бутугас* — как повседневная еда якутов упоминается и другими исследователями: [Серошевский 1993: 315]. — Л. В.).

После утреннего чая самой значительной работой для хозяйки является доение коров и чистка хотона. Эти тяжелые и неприятные работы являются исключительно «женским делом» (Лошади круглый год под открытым небом, даже в середину зимы, в 50-градусные морозы. Рабочих лошадей ловят и держат при жилье, но и они никогда не помещаются в хотоне или в другое закрытое помещение, а находятся в загородах около хотон'а). Еще темно, но уже время доить коров. Хозяйка зажигает лучину, берет «ыанас» (берестяное ведро для доения) и направляется в хотон. Посуда для доения молока никогда не моется; на наружных стенках много грязи, затвердевшего молока, а часто и навоза. Все это попадает в ведро. Держать лучину во время доения коров — это обязанность девочки-подростка. За неимением такой девочки лучину может держать мальчик-подросток или старик, или старуха. Если же и их нет, женщина втыкает горящую лучину в щель столба. Во время доения она сидит на маленькой табуретке «ынах ыыр олоппос» и держит берестяное ведро между ног, сжимая его коленями. Вымя коровы очень грязное. Пол в хотоне устлан «кругляками» (мелким лесом), между которыми всегда имеется навоз. Корова сильно запачкана в навозе, в особенности хвост и бока. Навоз с течением зимы нарастает на корове пластинками и шариками разной величины, которые замерзают и при ходьбе коровы на водопой издает особый звук — побрякивают, как подвески. Говорят, эти комья навоза держатся на корове до середины лета (до «Петрова дня»).

Вымя стараются очистить следующим образом: женщина плюет на руки и ладонями проводит по вымени, чтобы удалить самые большие куски навоза. Если у коровы есть недавний теленок, то перед тем как доить, теленка подводят к корове и дают пососать, но дают немного — его скоро отдергивают и привязывают к столбу, а корову начинают доить. Во время доения корова может прекратить дачу молока. Чтобы увеличить молоко, женщина прибегает к следующим средствам: 1) дует в половой орган коровы и так сильно, что корова горбится; потом этот воздух с хлопаньем выходит обратно; 2) просовывает кисть во влагалище коровы и водят взад-вперед. Эту руку дают нюхать и лизать корове. Корова вылизывает. После этого, утверждают якутки, корова увеличивает молоко, и ее продолжают доить. Но она может вновь прекратить. Женщина ругается «сйрагас ар кордур» (*сирэбэс, эр кордүүр*. — Л. В.) («стерва, самца захотела») и снова прибегает к испытанному средству. Над некоторыми коровами это проделывается до 2–3 раз во время доения. Корова этому не про-

тивится, а наоборот, как будто выражает удовлетворение, и прирученные коровы без этого не обходятся. Говорить о чистоте рук и молока после этого не приходится. Молоко всегда имеет неприятный «запах хотона», к которому новый человек не скоро привыкнет. Этот запах сохраняется и в масле, хотя в меньшей степени (в теплом он не чувствуется совсем).

У коровы может пропасть теленок и вследствие этого она прекращает молоко; «йаппат» (*йаппат*. — Л. В.) — «не дает молока», говорят якуты. Тогда опять при доении применяют вышеуказанные средства, но если они не помогают, то прибегают к новому средству, которое называется у якутов «milijap»¹. Оно заключается в следующем: у пропавшего теленка снимают шкуру и накидывают на другого, живого теленка. Эту шкуру смазывают слизью, добытой из полового органа коровы. Теленка подводят к корове, она обнюхивает, принимает за своего, вылизывает его и после этого «йатар» (*йатар*. — Л. В.) — «дает молоко». Иногда шкуры с пропавшего теленка не снимают, а прямо намазывают слизью коровы спину чужого теленка. Слизь из полового органа коровы добывается следующим образом: берут пучок конских волос или мягкой травы (сена) или волосяную веревку («вязку»); хорошо комкают в шар величиной с небольшой женский кулак, смачивают теплой водой и просовывают во влагалище коровы. Просовывают настолько далеко, чтобы корова могла оправляться. Комок травы или «вязки», употребляемой для этой цели, называются «купчур». Купчур остается в корове всю ночь. Утром его вынимают и им мажут спину и морду того теленка, которым хотят обмануть корову.

Зимой «стельные» коровы прекращают молоко, доят только «стародоек», поэтому эти средства увеличения молока преимущественно применяются осенью, весной и летом².

Коровы выдоены. Хозяйка возвращается в юрту с молоком и ставит турсук на пол. Немного молока. В зимнее время хорошая корова дает «мерку» (2½ фунта) молока, плохо же содержимые коровы дают от 1 чайной чашки до ½ «мерки». Редкие хозяйки и процеживают молоко сквозь сито. Молоко остается в турсуке или его разливают в берестяные посуды «чабычах»³.

¹ Вероятно, термин связан со словом «мүлүй-эр», на якутском языке означающим «снижает боль». — Л. В.

² Но над стародойками они применяются во все время доения.

³ В «чабычах» часто сажают грудных детей, чтоб они спокойнее были. Ребенок сидит, как в люльке (только теснее), без конца сосет грязную

«Чабычах» ставят в «___» (*умуһах*, авторский термин в рукописи отсутствует. — Л. В.) (подполье). Молоко ничем не покрывают, и в него попадает сор, плесень, пяль. В молоке часто можно увидеть шерсть и навоз коровы, длинный волос женщины и даже вшей. Они ползают на дне и попали сюда из головы женщины или от коровы во время доения¹. (Вши у коровы бывают в большом количестве; здесь даже есть случаи пропажи телят от вшей).

9–10 ч. утра. Светло. Пора коров выпустить из «хотона» в «дал» (зимний «дал» — это огороженное место около юрты для стоянки коров в течение дня). Коров выпускают зимою с восходом солнца, когда потеплеет «сарсыардааны дьыбар тахсыыта» («по выходу утренних заморозков»). Выпустить коров — обязанность женщины, но встречает их мужчина или мальчик-подросток. Он закрывает ворота, дает сено. Сено раскидывается на снегу тонким слоем, чтобы все коровы могли одновременно есть и не бодаться.

Следующей ежедневной тяжелой обязанностью женщины является чистка хотон'а. В сыром низком темном помещении она работает больше часа (если коров около 10 штук, как обычно бывает). С неровного пола хотон'а она сгребаёт навоз в кучу около окна, с которого снимается льдина, и затем выбрасывает его через это маленькое окно — отверстие на улицу. Делает она это особой деревянной лопатой («___») (*саах күрдьэх*, авторский термин в рукописи отсутствует. — Л. В.).

Подстилки для скота не бывает, поэтому навоз состоит только из кала скота. Выкидав навоз из хотон'а, женщина ходит на улицу и из этого же кала, покуда он не замерз, делает маленькие столбики («балбах»). Дело мужчин вывезти затем навоз в лес, в болото, иногда в речку или озеро. Иногда из «балбаха» делают изгородь для зимнего дал'а, вехи для дорог и т. д.

«Күн ортоото буолан эрэр» — солнце приближается к полудню, пора есть. Дневная еда («кунуску асылык» (*күнүскү аһылык*. — Л. В.) — дневная пища) в зимнее время приходится на ровдужную соску и тут же сидя засыпает, неестественно сгибая спину (см. рисунок мальчика якута).

В данной статье не приводятся фотографии и рисунки, сделанные И. П. Сойкконеным. — Л. В.

¹ Безусловно, вши имеются не в каждой посуде, но бывает. Здесь имел место даже такой случай: хозяйка стала наливать гостю молоко, а на дне чабычаха оказался детский кал. Посуда ночью стояла на полу, и ребенок в темноте опривился не по назначению.

10–11 ч. дня. Обыкновенно днем ничего не едят, а только пьют «сылбыхай чай» (*сылбыхай чэй*. — Л. В.) — «чай без куска», чай без лепешки или другой еды, пустой чай².

После дневного чая женщине необходимо позаботиться об ужине. Ужин — самая основательная еда, за ужином нужно всех накормить досыта. Хорошо, если есть мясо, но мясо не всегда бывает, нужно достаточно испечь лепешки. Запасов муки не бывает. Молоть муку — это почти ежедневная обязанность женщины. Осенью же и в начале зимы нужно еще приготовить зерно. Мужчина или мальчик-подросток приносят 3–4 ячменных снопа, а женщина их «колосит» («куоластыр» — говорят якуты): она отрывает руками колосье от соломы. Если сноп высушен, то колосья отбиваются от снопа обухом топора или чем-нибудь тяжелым на коровой коже, разосланном на полу. Теперь необходимо освободить зерна от колоса, для этого их толкут в ступе особой деревяшкой для толчения («пестом»). Это выполняют дети-подростки³, старик или старуха, но чаще всего женщина. Потом пересыпают все это в чабычах и начинают встряхивать, чтобы отделить мякину от зерна. Зерно совершенно дочищено никогда не очищают, воздух же в юрте сильно запыляется при этом. На среднюю семью в 5–6 чел. женщина «колосит» 2–3 снопа, всего фунтов 8–10 зерна (это если ежедневно, как бывает в большинстве случаев летом, осенью и в начале зимы). Раньше, чем молоть, зерна нужно высушить, для этого их насыпают на «бурдук хатарар мас» (особая широкая доска с маленькими бортами) и кладут на «арях мас» (*ардьаах мас*. — Л. В.) сушиться.

Мелят на маленьких ручных мельницах, которые имеются почти в каждой юрте. Мелят ежедневно столько, сколько нужно для потребления семьи⁴. На среднюю семью выходит до 10 фунт. муки в день (если нет мяса). Забота о муке целиком лежит на женщине, но молоть ей помогают дети⁵, старик или старуха, кумалан, а иногда приглашают профессионала мукомола⁶.

² Иногда днем чай не пьют, а едят «хасы» (жидкая каша).

³ Дети-подростки и даже дети 6–8 л. (см. фото № 2)

⁴ Перед большими праздниками значительно больше.

⁵ См. детские рисунки № 4.

⁶ [«Бурдук тардааччы»] — «муку тянущий», называют мукомолов якуты. Они мелят до 1 пуда в день (иногда их называют «мэлийэр», от русского *мелет*, *мельник*). Плата им от ½ «безмена масла» и больше за день работы, в зависимости от работника («безмен» масла — 2½ фунта).

В перерывах между работами женщина кормит и успокаивает ребенка. В большинстве случаев якутки грудью не кормят, а наливают вскипяченное коровье молоко в рожок ребенку. За грудными детьми присматривают, а часто и кормят более взрослые дети. Кормят всегда из рожка, в котором ровдужный сосок. В рожок молоко наливается не прямо из кастрюли, а через рот матери или ее заменяющих детей. После водопоя скот встречает женщина. Она сразу, проводив их в хотон, и привязывает к своим местам: в глубине хотона, около теплой стены юрты, помещаются (*ньирэй, торбос, борооску, тыһагас* и *ороһу ньирэй*, авторские термины в рукописи отсутствуют. — Л. В.) («однотравные», «двухтравные» и телята от коров, отелившихся осенью).

За ними следуют остальной молодежь и дойные коровы («__») (*тин'эһэ, бургунас, ыанар ынах*, авторские термины в рукописи отсутствуют. — Л. В.). Потом стоят «байтасын ынах» (коровы, предназначенные для убоя). Якуты говорят, что в холодной части «хотона» лучше жиреет. Около самых наружных дверей, где холоднее всего, стоят быки. Часто в одном хотоне стоит скот двух хозяев. Очень тесно. Корова об корову соприкасаются. В сравнительно маленьком помещении часто помещается 30–40 голов скота. В глубокую зиму скот простаивает в хотоне 18–20 часов. Как правило, их все 18–20 часов не кормят и не поят. Только телятам и дойным коровам дают с вечера немного сена.

«Им сугта» (*им сүттэ*. — Л. В.) — «заря потерялась». Темно. Усиленно топится камин, хозяйка готовит ужин. «Киаса асылык» (*киэһэ аһылык*. — Л. В.) — «вечерняя пища» — является самой основательной едой в течение дня. Все лучшее сберегается к ужину. Обычно варят мясо (но к весне, да и зимою его у многих не бывает). Мясо не доваривают, едят в «просырь», как говорят здесь местные русские.

Часто мясо в середине бывает холодным и даже мерзлым. Конское мясо обязательно должно быть недоваренным, иначе его находят невкусным. За ужином едят много. Семья в 5–6 человек съедает 7–8 фунтов и больше фунтов мяса за один ужин. Едят без хлеба, без соли, прямо откусывая с большого куска и в это время отрезая ножом, который направляется между губами и большим куском снизу-вверх (каждый якут имеет нож, который носит обычно в голенище).

Если нет мяса, тогда пьют чай и едят лепешку с маслом. Чай опять очень крепкий, в очень большом количестве, без сахара, но обязательно с молоком.

Если и чая нет и муки нет, тогда варят какую-нибудь кашу (чаще тарную).

Сразу после ужина вся семья ложится спать. Каждый знает свое место. «Катагарин орон» (*кэ-тэбэриин орон*. — Л. В.), приходящийся против входа, обычно занимают хозяева. В очень многих юртах постель хозяев скрыта за занавесью. Днем и постель, и занавесь убираются. «Ан орон» (*аан орон*. — Л. В.) — «придверная кровать» — обычно предназначается для стариков, старух и слуг. Остальные члены семьи помещаются на «атах и унуо ортоку орон» (*атах уонна уна ортоку орон*. — Л. В.) или в левой половине юрты. Свободным остается «бастын орон» (*бастын орон*. — Л. В.), предназначенный для гостей.

Постель состоит из подушки и шкуры (конской, коровьей, реже оленьей). Вниз часто постилают сено, чтобы было мягче и чтобы защититься от насекомых. Укрываются одеялом или верхней одеждой.

Позже всех ложится женщина. Если коровы и выдоены до ужина (некоторые хозяйки доят их после ужина), то ей еще нужно убрать стол, вычистить посуду, приготовить для утра муку, а тут еще за день накопились работы по починке обуви и одежды для всей семьи. «Киаса уот» проходит, а женщина одна сидит перед потухающим камельком, починяет одежду, чинит жильными нитками обувь. Обувь нужно чинить с внутренней стороны. Вывернуть обувь нелегко, а когда она починена, женщина зубами выравнивает шов. Обувь всегда грязная и даже на следующий день у женщины углы рта черные.

Иногда этим удобным вечерним временем, когда все спят, женщина пользуется для того, чтобы поискать у себя вшей. Но искать их не приходится. Очевидцы рассказывают, что они находили в голове женщины до 300 штук вшей, но бывает и больше. Если даже это исключение, то все-таки нужно сказать, что вшей бывает очень много. Она раскладывает на коленях платок или берет какую-нибудь доску для этой цели и начинает расчесываться¹. Обязательно хозяйка вместе с гостем, и она должна пить. Если ей очень не хочется пить, недавно пила, она все-таки наливает и себе, и для видимости очень долго пьет одну чашку.

Так в постоянном труде среди губительной обстановки юрты и хотона² проходит обычный зимний день якутской женщины; но бывают необычные дни, когда камин топится далеко за

¹ Часто для этой же цели она пользуется табуреткой, скамьей или даже столом.

² Совершенно оставил в стороне описание жилища, так как это отвлекло бы от прямой темы.

полночь, семья не спит, в юрте оживление¹. Не буду совершенно касаться здесь этих необычных вечеров, хотя они и представляют чрезвычайный интерес и имеют большое значение в жизни якута.

СОЙККОНЕН

Встречающиеся в описании зимнего дня якутской женщины якутские названия написаны по Новгородовской транскрипции, но со следующими изменениями:

1) Звук “ө” по Новгор. тр. изображается “ө”, я же везде пишу латинское “o”.

2) В якутском языке существуют твердый и мягкий «л». По Новгор. транскр. твердый «л» изображается русским л, а мягкий — латинским ‘l’. Я опять писал только латинский “l” и, если он смягчается, ставил сверху справа запятую.

СОЙККОНЕН.

Анализ рукописи И. П. Сойкконена

Рукопись проливает свет на важный аспект детерминированности хозяйственных занятий якутов природно-климатическими условиями края. Зарисовки И. П. Сойкконена ценны обращением к зимней повседневности сельских жителей, к вопросам жизнедеятельности в условиях экстремальных естественных низких температур.

В «Зимнем дне...» сконструирована вся последовательность зимних занятий в небогатой семье, где женщине отведена роль важного «винтика» в действующем механизме повседневности. Потенциал для гендерных изысканий бесспорен: выпукло и ярко обрисованы контуры реального положения якутской женщины на примере холодного сезона. Записки И. П. Сойкконена перекликаются с другим описанием повседневности женщины Севера, принадлежащим перу П. В. Слепцова, упомянутого выше начальника Хатанго-Анабарского этнографического подотряда Якутской экспедиции: «Утро, 5–6 часов. В чуме температура такая же, как вне чума. Встает женщина,

растапливает печь, ставит чайник (чайник с водой или льдом обычно ставится на печь с вечера). Через 1/2–1 час поднимается хозяин и все взрослое население. В чуме уже тепло. Затем встают дети. Чай готов. Садятся группами за маленькими столиками. Разливается чай, к чаю подается холодное мясо, оставшееся от ужина, без соли и хлеба, чай без сахара. Через 4–5 часов снова подается чай. В 7–8 часов вечера приготовлен ужин — большой котел полусырого мяса. В маленькие миски разливается бульон. На каждый столик подается одна миска...» [Охотники-оленьеводы 2020: 20]. Большой разницы в повседневности северян, живущих в таежной юрте или в тундровом чуме, нет.

Монотонный труд, физические перегрузки, отсутствие условий для культурного роста — все это в замкнутом пространстве тесного жилища, где несколько поколений домочадцев и неизбежных при бедности и экономии топлива жильцов-соседей вынуждены были проживать с октября по май. Красной нитью сквозь рукопись проходит присутствие Холода — ограничивающего, лимитирующего и регулирующего жизнь якутской женщины в зимней повседневности первых десятилетий XX в. Для общей оценки подобных буден невольно приходит на ум зафиксированное И. П. Сойкконеном якутское название наступающих сумерек — «im suite», что означает «заря потерялась»...

На материалах рукописи вероятны самые разные реконструкции не только гендерных, но и других социальных реалий якутского скотоводческого общества начала XX в. Для исследователей большого мира тюркоязычных скотоводов и кочевников может быть ценной и лингвистическая составляющая рукописи. В частности, интересны архаичные животноводческие термины, сохранившиеся в традиционном хозяйствовании якутов до настоящего времени. В записях по старинной терминологии времени достаточно много языковых ассоциаций: так, «определение подъема солнца над горизонтом — „qu:n oido“ („солнце прыгнуло“) звучит практически как *гюн айдын* („доброе утро“): знакомое всему тюркоязычному Востоку словосочетание» [Винокурова 2021б: 41].

¹ Это те вечера, когда в юрте сказочник передает длинные якутские сказки-предания, а семья внимательно слушает его; или когда приглашен шаман и происходит камлание; или приехал «городчик» и щедро угощает водкой, может быть, с целью какой-нибудь выгодной сделки для себя; или картежная игра затянулась далеко за полночь и может окончиться не совсем мирным путем.

Молодой этнограф И. П. Сойкконен зафиксировал в своей рукописи «Зимний день якутской женщины» то, что лично видел в обычной бедной семье, где вся жизнедеятельность вращалась вокруг выживания. В условиях зимнего господства холода главными задачами людей было поддерживать тепло в жилище и сохранить домашний скот как условие продолжения самого существования людей. При ограниченности средств и ресурсов для большинства сельских якутов в зимний период была характерной лишь необходимая активность, экономящая затраты энергии. Женщины и дети в малообеспеченных семьях практически не выходили из жилья, не имея теплой одежды и обуви, способной защитить здоровье при естественных низких температурах Якутии.

Вынужденная длительная изоляция в замкнутом пространстве, даже при наличии определённого комфорта, способна вызывать стресс и нервные реакции. Отметим, что в свете текущих аналогий с локдаунами и карантинными ограничениями из-за Covid-19 появляется интерес к традиционным этническим практикам сопротивления стрессам и преодоления их последствий. В рамках статьи стоит лишь удивляться способности людей сохранять в описанных социально-экономических условиях тягу к прекрасному: в конце рукописи И. П. Сойкконена вскользь упоминается оживление, предшествующее приходу сказителя. Традиционное изустное эпическое сказание — олонхо — было главным зимним развлечением якутов, буквально пиршеством чувств и мыслей, праздником воображения и творчества, поддерживающим в суровых буднях. Отметим, что за рамками рассмотренной рукописи И. П. Сойкконена остались многие «зимние» мужские и женские занятия. Они требовали от якутов широкого спектра умений и навыков, достаточно хорошо освещенных в этнографической литературе и отмеченных, кроме рационализма, еще и высокой технологической эстетикой.

Историко-культурные проекции рукописи И. П. Сойкконена

Рукопись содержит этнографические зарисовки, которые могут шокировать современника натуралистическими бытовыми подробностями и беспросветностью «женской доли» в повседневной жизни якутов.

Есть вероятность восприятия социальных реалий как присущих исключительно сельской глубинке Якутии начала XX в., особенно в части удручающих условий быта, сопутствующей бедности антисанитарии. К сожалению, подобная картина была характерна и для других экономически отсталых окраин, о чем свидетельствует в своем творчестве известный российский писатель и правозащитник В. Г. Короленко, отбывавший в последние десятилетия XIX в. ссылку в Вятской губернии и в Якутии.

В хрестоматийной «Истории моего современника», являющейся художественно изложенным дневником жизни, В. Г. Короленко назвал место своей ссылки «лесной глушью». В местности Березовские Починки он жил у местного крестьянина, чей дом описан следующим образом: «у Гаври „изба черная“... Печной трубы не было. В жерло огромной печи, которая была завалена даже не дровами в нашем смысле, а прямо березовыми плахами, пыхал дым и пламя. ... холод стал внизу, дым поднялся кверху до уровня человеческого роста и стоял там, точно опрокинутое и волнующееся море» [Короленко 1988: 8]. Способ вымораживания тараканов в жилище вятских крестьян был аналогичен якутскому: зимой выезжали, оставляя его нетопленным на пару дней [Сулейманов 2018a: 32].

Переехав к другому хозяину, В. Г. Короленко сокрушался, что тараканов не извели и они буквально ели маленькую дочь хозяев: «Когда бедная девочка засыпала, они взбирались на ее личико, расползались радиусами в уголках губ, у глазных впадин, в ушах, и ели ее, поводя своими длинными усами. Постепенно отступая, они оставляли целые участки объединенной верхней кожицы, что заставляло бедную девочку сильно страдать. Я то и дело отгонял их, но они тотчас же сбегались опять» [Короленко 1988: 81]. Несомненно, что общий низкий уровень жизни в отдаленных малых поселениях начала прошлого века практически нивелировал этнокультурные различия.

Рукопись И. П. Сойкконена не может не вызывать сострадания к женщине, чья повседневная жизнь была заполнена тяжелым трудом и убогим бытом, полным отсутствием внимания к ее человеческим задаткам, физическому или душевному состоянию. Подобная выматывающая задвленность

женщин низших сословий хозяйством и бытом, часто сочетающаяся с унижениями или даже насилием, была обычной для всей империи. Сто с лишним лет назад домашнее насилие было обыденным явлением в крестьянских семьях. В рассматриваемой здесь рукописи И. П. Сойкконена нет прямых свидетельств о насилии в отношении женщин, но картина жизни якутской женщины, бесспорно, требует углубленного гендерного анализа.

Заключение

Публикуемая рукопись И. П. Сойкконена является ярким свидетельством социально-экономических реалий, условий труда и быта женщин в отдаленных окраинах

России в первые десятилетия XX столетия. С учетом длительной сохранности уклада жизни в периферии большой страны можно говорить о значительных возможностях документа в качестве источника для изысканий по разным аспектам состояния традиционной культуры до масштабной советской модернизации. Рукопись представляет интерес не только для специалистов по социальной и гендерной истории, «Зимний день якутской женщины» может послужить источником вдохновения для самых разных исследований в регионах России, включая междисциплинарные гуманитарные проекты на стыках этнической истории, культурной антропологии и этнолингвистики.

Источники

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.

Sources

Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch.

Литература

- Алексеев 2007 — Алексеев Э. А. Саха балагана — Юрта-балаган. Якутск: Бичик, 2007. 140 с.
- Винокурова 2020 — Винокурова Л. И. Зимние хозяйственные занятия мужчин в сельской Якутии 1920–1960-х гг. // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2020. № 4(33). С. 65–72. DOI: 10.25693/SVG.2020.33.4.007
- Винокурова 2021a — Винокурова Л. И. Зимний труд женщин в сельской Якутии 1920-х – 1970-х гг. // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2021. № 4(37). С. 46–53. DOI: 10.25693/SVG.2020.33.4.007
- Винокурова 2021b — Винокурова Л. И. «Заря потерялась...»: зимняя повседневность Якутии первой трети XX в. в архивных документах // Восточные архивы и архивоведение в современном мире: проблемы и перспективы: тезисы XIII Всероссийского съезда востоковедов (г. Элиста, 5–8 октября 2021 г.) / ред.: А. К. Аликберов и др. Элиста: КалмНЦ РАН, 2021. С. 39–41.
- Дьяченко 2014 — Дьяченко В. И. Академические экспедиции на арктическое побережье Якутии в конце XIX – первой трети XX века и долганские коллекции в собраниях Кунсткамеры [электронный ресурс] // Иллюстративные коллекции Кунсткамеры (сборник МАЭ; т. 59) / отв. ред. В. А. Прищепова. СПб.: МАЭ, 2014. С. 33–56.
- Ермолаева 2001 — Ермолаева Ю. Н. Якутская комплексная экспедиция 1925–1930 гг.: раз-

- витие науки в Якутии. Новосибирск: Наука, 2001. 162 с.
- Ермолаева 2009 — Ермолаева Ю. Н. Этнографические исследования Якутской экспедиции АН СССР 1925–1930 // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4. С. 54–57.
- Иванова 1974 — Иванова Л. Т. Раскрепощение женщин Якутии и их роль в социалистическом строительстве (1917–1937 гг.). Якутск: Як. кн. изд-во, 1974. 180 с.
- Иванова 2015 — Иванова Л. Т. История повседневности: один зимний день якутской женщины в 20-е гг. XX в. [электронный ресурс] // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. С. 99–101.
- Короленко 1988 — Короленко В. Г. История моего современника: книги третья и четвертая. Якутск: Як. кн. изд-во, 1988. 432 с.
- Мельников, Федоров 2018 — Мельников В. П., Федоров Р. Ю. Роль природных криогенных ресурсов в традиционных системах жизнеобеспечения народов Сибири и Дальнего Востока // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 133–141.
- Охотники-оленьеводы 2020 — Охотники-оленьеводы Хатанги и Анабара. Коллекция П. В. Слепцова в собрании МАЭ РАН / отв. ред. Н. П. Копанева, В. Н. Давыдов. СПб.: МАЭ РАН, 2020. 256 с.
- Романова, Добжанская 2019 — Романова Е. Н., Добжанская О. Э. Антропология холода: методология, концепты, образы (на примере

- культурных традиций коренных народов Севера и Арктики) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 35. С. 255–263. DOI: 10.17223/22220836/35/23
- Серошевский 1993 — *Серошевский В. Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 1993. 736 с.
- Сулейманов 2018а — *Сулейманов А. А.* «Ресурсы холода» в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии. Конец XIX – начало XXI вв. // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2018. № 3 (24). С. 28–34.
- Сулейманов 2018б — *Сулейманов А. А.* «Ресурсы холода» в системе питания якутов: традиции и современность // Научный диалог. 2018. № 2. С. 263–274.
- Сулейманов 2018в — *Сулейманов А. А.* «Ресурсы холода» в хозяйственных и социокультурных практиках сельских сообществ Якутии. Вторая половина XIX – начало XX вв. // Былые годы. 2018. № 4 (50). С. 1601–1611.
- Сулейманов 2019 — *Сулейманов А. А.* «Ресурсы холода» в экономике сельских сообществ Якутии: разработка научных основ использования в 40–60-е годы XX века // Научный диалог. 2019. № 2. С. 311–325.
- Сулейманов 2020 — *Сулейманов А. А.* Антропология холода: использование естественных низких температур в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (эволюция традиционных практик и вызовы современности) // Кунсткамера. 2020. № 1. С. 9–17.
- Сулейманов 2021 — *Сулейманов А. А.* Антропология холода: естественные низкие температуры в традиционной системе жизнеобеспечения якутов (XIX в. – 30-е гг. XX в.) // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 1. С. 115–133. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-115-133
- Теребихин, Мелютина 2021 — *Теребихин Н. М., Мелютина М. Н.* Мифопоэтические аспекты традиционной поморской криософии и антропологии холода: реконструкция и интерпретация // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2021. Т. 21. № 4. С. 122–133. DOI: 10.37482/2687-1505-V12
- Тишков 2008 — *Тишков В. А.* Наука и жизнь. Разговоры с этнографами. СПб.: Алетей, 2008. 176 с.
- Федоров 2018 — *Федоров Р. Ю.* Проблемы и перспективы изучения роли природных криогенных ресурсов в культуре жизнеобеспечения народов Сибири // Человек и Север: антропология, археология, экология: мат-лы Всерос. науч. конф. (г. Тюмень, 2–6 апреля 2018 г.) / редкол.: А. Н. Багашев (отв. ред.) и др. Тюмень: ФИЦ ТНЦ СО РАН, 2018. С. 439–441.
- Fedorov 2019 — *Fedorov R.* Cryogenic Resources: Ice, Snow, and Permafrost in Traditional Subsistence Systems in Russia // Resources. 2019. № 1. Pp. 8–17. DOI: 10.3390/resources8010017

References

- Alekseev E. A. Sakha Balagana — Balagan Yurt. Yakutsk: Bichik, 2007. 140 p. (In Russ.)
- Dyachenko V. I. Academic expeditions to the Arctic seashore of Yakutia (1880s–1930s), and Dolgan Collections of the Kunstkamera. In: Prishchepova V. A. (ed.) Illustrative Collections of the Kunstkamera. Ser. Collected Works of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (MAE). Vol. 59. St. Petersburg: MAE (RAS), 2014. Pp. 33–56. (In Russ.)
- Ermolaeva Yu. N. Ethnographic research by Yakutian Expedition of the AS USSR in 1925–1930. *Izvestiya of Altai State University*. 2009. No. 4. Pp. 54–57. (In Russ.)
- Ermolaeva Yu. N. Yakutia Comprehensive Research Expedition of 1925–1930: Development of Science in Yakutia. Novosibirsk: Nauka, 2001. 162 p. (In Russ.)
- Fedorov R. Cryogenic resources: Ice, snow, and permafrost in traditional subsistence systems in Russia. *Resources*. 2019. No. 1. Pp. 8–17. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.3390/resources8010017>
- Fedorov R. Yu. The role of natural cryogenic resources in subsistence cultures of Siberia's peoples: Problems and prospects of research. In: Bagashev A. N. et al. (eds.) *Man and the North: Anthropology, Archaeology, Ecology*. Conference proceedings (Tyumen; April 2–6, 2018). Tyumen: Tyumen Scientific Center (SB RAS), 2018. Pp. 439–441. (In Russ.)
- Ivanova L. T. Emancipation of Yakutia's Women and Their Role in Socialist Construction, 1917–1937. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1974. 180 p. (In Russ.)
- Ivanova L. T. History of everyday life: One winter day of a Yakut woman in the 1920s. *Soci-*

- ety: *Philosophy, History, Culture*. 2015. No. 6. Pp. 99–101. (In Russ.)
- Kopaneva N. P., Davydov V. N. (eds.) *Hunters and Reindeer Breeders of the Khatanga and Anabar Rivers: The P. V. Sleptsov Collection at Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (RAS)*. St. Petersburg: MAE (RAS), 2020. 256 p. (In Russ.)
- Korolenko V. G. *The History of My Contemporary. Books Three and Four*. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1988. 432 p. (In Russ.)
- Melnikov V. P., Fedorov R. Yu. The role of natural cryogenic resources in traditional subsistence systems of the peoples of Siberia and the Far East. *Tomsk State University Journal*. 2018. No. 426. Pp. 133–141. (In Russ.)
- Romanova E. N., Dobzhanskaya O. E. Anthropology of the cold: Methodology, concepts, images (on the materials of cultural traditions of indigenous peoples of the North and the Arctic). *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2019. No. 35. Pp. 255–263. DOI: 10.17223/22220836/35/23 (In Russ.)
- Seroshevsky V. L. *The Yakuts: An Ethnographic Study*. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN, 1993. 736 p. (In Russ.)
- Suleymanov A. A. “Cold resources” in economy of Yakutia rural communities: Development of scientific basis for usage in 1940–1960-ies. *Nauchnyi dialog*. 2019. No. 2. Pp. 311–325. (In Russ.)
- Suleymanov A. A. “Cold resources” in food system of Yakuts: Traditions and present day. *Nauchnyi dialog*. 2018. No. 2. Pp. 263–274. (In Russ.)
- Suleymanov A. A. “Cold resources” in the life support system of rural communities of Yakutia. The end of the 19th – the beginning of the 21st century. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2018. No. 3 (24). Pp. 28–34. (In Russ.)
- Suleymanov A. A. “The resources of cold” in economic and socio-cultural practices of rural communities of Yakutia. The second half of 19th – early 20th centuries. *Bylye Gody*. 2018. Vol. 50. No. 4. Pp. 1601–1611. (In Russ.)
- Suleymanov A. A. Cryoanthropology: Influence of natural low temperatures on the Yakut traditional life sustenance system, 19th century to the 1930s. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 1. Pp. 115–133. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-115-133
- Suleymanov A. A. Cryoanthropology: The use of natural low temperatures in the life support system of rural communities in Yakutia (Evolution of traditional practices and modern challenges). *Kunstkamera*. 2020. No. 1. Pp. 9–17. (In Russ.)
- Terebikhin N. M., Melyutina M. N. Mythopoetic aspects of traditional Pomor cryosophy and anthropology of the cold: Reconstruction and interpretation. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series ‘Humanitarian and Social Sciences’*. 2021. Vol. 21. No. 4. Pp. 122–133. (In Russ.) DOI: 10.37482/2687-1505-V12
- Tishkov V. A. *Science and Life: Interviews with Ethnographers*. St. Petersburg: Aletheia, 2008. 176 p. (In Russ.)
- Vinokurova L. I. ‘Dawn got lost ...’: Archival insights into winter household life in Yakutia, 1900s–1930s. In: Alikberov A. K. et al. (eds.) *Oriental Archives and Archival Studies in the Contemporary World: Problems and Prospects. Congress abstracts (Elista; October 5–8, 2021)*. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2021. Pp. 39–41. (In Russ.)
- Vinokurova L. I. Winter economic activities for men in rural Yakutia in the 1920s–1960s. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2020. No. 4 (33). Pp. 65–72. (In Russ.) DOI: 10.25693/SVG.2020.33.4.007
- Vinokurova L. I. Winter labor of women in rural Yakutia in the 1920s–1970s. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2021. No. 4 (37). Pp. 46–53. (In Russ.) DOI: 10.25693/SVG.2020.33.4.007

